

— Сынок, пора выходить, — мягко сказал Харун.

«Наконец-то», — подумал Таулан в полудрёме.

— Пап, кажется, я немного поспал.

— Ну и хорошо, ты сегодня рано встал.

В душном салоне «Икаруса» стоял стойкий запах солярки и пыли, и Таулан чувствовал, что его подташнивает. После таких поездок он долго не хотел никуда ездить, но никогда в этом не признавался, боясь, что в следующий раз отец не возьмёт его с собой.

Ещё издалека они увидели седобородого Хасана, который сидел на скамейке у ворот, опираясь на палку и думая о чём-то своём. То ли войну вспомнил, то ли сына Ахмата, которого уже давно похоронил, — один Бог знает.

Таулан подбежал к нему и встал, будто дожидаясь разрешения, чтобы поздороваться. Старый Хасан поднял голову, но не узнал Таулана, пока не увидел приближавшегося Харуна.

— Ай, джигит, джигит! — улыбнулся старик, и в серых глазах его сверкнули живые искорки. — Дай-ка обниму тебя. Ишь ты, вылитый отец. Странно, что я не забыл твоё лицо, ты такой редкий гость теперь, — добавил он, обращаясь к Харуну, и тяжело встал, одной рукой держась за ограду, а другой опираясь на палку.

Старик немного постоял, словно восстанавливая равновесие, и вместе с гостями направился в сторону своего двора.

— Магомед уже несколько дней в горах на сенокосе, один разрывается. От меня какой сейчас толк? А ещё пять лет

назад и косил, и носил, и за скотиной смотрел. Эх-эх-эх, — побряхтывал он дорогой, — не умрёшь, так состаришься.

Харун приобнял старика за плечи, и тот расчувствовался:

— Весь в отца — такой же добрый. По сей день мне не хватает его. И как это он без вести пропал?..

Сам Хасан, двоюродный дядя Харуна, прошёл всеми дорогами Великой Отечественной войны. Был он высок, белобород и худощав. Сколько Таулан себя помнил, Хасан постоянно ходил в коричневой стёганой телогрейке и войлочной шляпе, а на ногах поверх ичигов носил калоши.

Из соседнего двора на людей загавкала собака, и старик притворно погрозил ей палкой:

— Ишь, пугает... Вот так и живём: скотина, огород. Всё как у всех, по-деревенски, — и тут же, войдя во двор, бойко позвал жену: — Где ты? Встречай гостей!

По старой привычке он кричал это каждый раз, когда кто-то приходил, словно давая возможность своей старухе подготовиться, хотя та давно уже не ходила. С Мариям, белолицей, голубоглазой, всё ещё красивой и улыбчивой старушкой с мягким голосом, они вместе прожили более полувека.

Она очень обрадовалась гостям, которые по очереди обняли её, после чего Харун заученным движением придвинул маленькую табуретку к железной, с узорчатыми спинками и панцирной сеткой, кровати, на которой лежала старушка, и присел на неё. Старик сел на свою точно такую же кровать.

— Йа, Аллах, Ты един, — проговорил он, как обычно.

И фраза эта, и запах дома, и шифоньер с зеркалом посередине и двумя дверцами, в каждой из которых торчал бесполезный ключик, со старыми скобами, подбитыми потемневшими от времени гвоздями, и маленькая чёрно-белая фотокарточка сына Ахмата, засунутая в одну из скоб, — всё было таким знакомым, шемаще родным и дорогим сердцу, что у Харуна перехватило дыхание.

Но Мариям слишком была занята гостями.

— Харун, может, оставишь Таулана у нас? Будет нам помогать, барашков пасти, — то ли шутя, то ли серьёзно начала она разговор.

Таулан не любил ночевать в гостях. Однажды, когда родители оставили его у родной бабушки, он сбежал домой.

Но то, что старики видели в нём помощника, польстило ему чрезвычайно.

С улицы послышался шум грузовой машины, остановившейся возле ворот. Это был соседский парень Расул на своём сеновозе. Обычно через него старики передавали сыну Магомеду всё необходимое.

— Харун, если хотите, можете с ним к Магомеду съездить, — предложил Хасан.

Таулан запереживал, что отец не возьмёт его с собой в горы, и потихоньку выскользнул на улицу, чтобы быть поближе к машине. К его огромному недоумению и недовольству, в кабине уже сидел какой-то юноша.

Вслед за Тауланом вышли Харун и Расул. Расул был лысый, мускулистый, загорелый, с недельной щетиной парень лет двадцати семи в синей клетчатой рубашке и странной тюбетейке из носового платка, каждый уголок которого был связан в узел. Во рту у него вспыхивала золотая фикса. Резкий и сильный, с громким голосом и быстрой малоразборчивой речью, он, однако, сразу понравился Таулану. Может быть, тем, что в глазах мальчика он сразу прочитал немую просьбу, поэтому, не спрашивая разрешения у Харуна, крикнул своему пассажиру:

— Руслан, давай-ка вы с Тауланом — в кузов, а мы с Харуном в кабине, по-стариковски, — и хохотнул, предупреждая возражения с любой стороны.

Таулан не смог скрыть радостную улыбку. Ещё бы! Поехать в кузове с ветерком — об этом он и мечтать не мог.

Руслан, смуглый, высокий и худой юноша лет шестнадцати, нехотя вылез из кабины. На нём была белая рубашка с непонятно для чего поднятым воротником, которая никак не сочеталась с коричневыми широкими штанами, заправленными в кирзовые сапоги. В руке он держал ручку, которой перематывал кассету портативного магнитофона. Не сказав ни слова, Руслан быстро запрыгнул в кузов и протянул руку Таулану, предлагая свою помощь, словно тот выглядел городским хлюпиком. Однако Таулан запрыгнул в кузов так же лихо: ему хотелось показать, что городские тоже не лыком шиты. Руслан показался ему аульским невежей и хвастуном. В дороге они так и не сдружились...

Время было пополудни, когда они приехали к месту, где косил Магомед. Вернее, он стоял на верху косогора и точил

косу. Каждый раз Расул всё, что привозил, оставлял в балагане — шалаше из палок и досок, покрытых травой. Обычно он не отвлекал Магомеда от работы и, помахав рукой, уезжал. Рабочая пора для косарей — раннее утро и вечер, когда жара спадает. А в полдень косари отдыхают.

Звук, исходивший от скользящего по металлу точила, напомнил лязг сабель сражающихся фехтовальщиков или железных тарелок в оркестре, исполняющих прелюдию к настоящему сенокосу, который Таулан увидел впервые.

— Салам алейкум, Магомед! — крикнул Харун снизу.

Магомед убрал точило в сапог, закинул косу на плечо и направился вниз к своим гостям. Белая войлочная шляпа с широкими полями закрывала его лицо, хромовые сапоги ловко сидели на ногах. Несмотря на то, что жара ещё не спала, на нём были плотные солдатские брюки и тёмная хлопковая рубашка.

— Алейкум салам! Помощники пожаловали! Вот кто будет мне помогать, — улыбаясь, сказал Магомед и пожал руку Таулану, как взрослому.

Но крепкое мужское рукопожатие не польстило Таулану — он был встревожен грядущей перспективой, так как в свои двенадцать лет ещё ни разу не держал в руках косу.

— Вот как раз и научишься, — подхватил Харун, сразу понявший опасение сына.

— Конечно, научиться, здесь ребята гораздо младше, а уже косят наравне со взрослыми. Ты решайся, а мы пока с твоим отцом поговорим.

Харун с Магомедом могли беседовать часами — они были не просто троюродные братья, но и близкие друзья. Таулану было скучно слушать разговоры взрослых, и он направился к дереву, чтобы снять косу с ветки. Магомед догнал его, снял с ветки косу и воткнул ручкой в землю.

— На что похожа коса?

— На букву «г», — ответил Таулан, недолго думая.

Магомед посерьёзней.

— Как-то во время сенокоса один человек потерял свою корову и долго не мог её найти. Днём косил, а вечером искал корову, и так — целую неделю. В один из дней он, воткнув косу, как ты сказал, Таулан, буквой «г», смотрел из-под неё вниз, в ущелье. Вдруг на опушке возле лесочка он

увидел пасущихся коров, среди которых распознал и свою. Он обрадовался, резко поднял голову и срезал кончик своего носа... Техника безопасности — вот что самое главное в обращении с косой, — Магомед завершил свой рассказ широкой белозубой улыбкой.

Магомед, добродушный стройный мужчина лет пятидесяти, был по профессии хирургом. Выросший в ауле, он не боялся тяжёлой крестьянской работы, а на сенокос поднимался не только в силу необходимости, но и «для общей терапии».

Всё, что он рассказывал или показывал, было интересно, поучительно и полезно.

— Держишь левой рукой край косовища, а правой — ручку. Отведи косу, зацепи лезвием траву и срезай. Сейчас посмотрим, получится из тебя косарь или нет.

Таулан, давно мечтавший научиться косить, старался выполнить всё, как показал Магомед.

До позднего вечера негромко и неспешно беседовали Харун и Магомед, полулёжа на охапках подсохшего сена, и пили густой, но уже начинающий стрелять пузырьками айран. Время от времени разгорячённый Таулан втыкал косу ручкой в землю, заходил в балаган, зачерпывал из большой эмалированной кастрюли такой же пузырящийся суусаб — кислый айран, разбавленный ледяной водой альпийских родников, — и медленно, с наслаждением утолял жажду, переводя дыхание после двух-трёх глотков: шипучий белопенный напиток бил в нос и не давал дышать.

Начинало темнеть.

— Всё, наш юный косарь, на сегодня хватит. Завтра с утра продолжим, — сказал Магомед.

Таулан обрадовался, но не подал виду, что с непривычки сильно устал. Он повесил на дерево косу и подошёл к взрослым, спрятав за спину подрагивающие от усталости и недавнего напряжения руки.

— Видишь, светлячки летают? Это значит, что трава созрела, что самое время сейчас её косить. Что она набрала свою кондицию.

Таулану понравилось слово «кондиция», и он раз десять повторил его про себя, чтобы при удобном случае щегольнуть в разговоре.

Гружённый сеном трактор медленно спускался по ущелью. Свет прожектора на его крыше озарял ущелье.

— Смотри-ка, заяц выбежал на свет. Вон ещё один. Зайцы часто на свет бегут и попадают охотникам. Здесь их много.

Когда трактор подъехал, Харун сел в кабину рядом с водителем и помахал Магомеду и Таулану. Те ещё постояли, пока свет трактора не растворился в темноте ущелья, и лишь потом зашли в просторный балаган, в котором можно было спокойно ходить во весь рост — золотые руки были у Магомеда. Справа у входа находилась «кухня», слева стоял ящик с инструментами для заточки и отбивки косы, а вход был завешен плотной занавеской, свободно открывавшейся и закрывавшейся.

Снаружи стрекотали кузнечики, и запах свежескошенной травы и незнакомые звуки не давали Таулану спать. Никогда он не ночевал так тесно к природе, так высоко в горах, так близко к звёздам! Он опасался, что подкрадётся шакал, вломится медведь или — ещё хуже — вползёт змея, поэтому свой складной ножик из руки не выпускал.

Магомед, словно почувствовав переживания Таулана, решил его успокоить:

— Не спится? Не бойся — сюда ни один зверь не сунется, так что отдыхай спокойно.

— А змея?

— А змея тем более. Все змеи сразу же уползли, как только услышали звук косы. Они очень умные твари. Не думай ни о чём, спи спокойно. Спать на свежем воздухе — залог здоровья, это я как доктор говорю. Спи спокойно. Завтра с утра рано вставать.

Утром Магомед встал рано, как обычно, сделал утреннюю гимнастику. Потом взболтал трёхлитровую банку айрана, перелил его в литровую металлическую кружку, добавил две столовые ложки с горкой кукурузного толочка, перемешал и, постучав по кружке, командным голосом объявил:

— Косари, подъём! Коси, коса, пока роса!

Однако Таулан, который практически не спал ночью, проснулся задолго до дядиного подъёма.

Со словами «завтрак готов» Магомед поставил кружку на пенёк и вышел из балагана.

— Как соберёшься, бери косу, брусок — и за работу. В обед другую косу тебе отобьём: думаю, поменьше тебе надо, восьмёрочка будет в самый раз...

Таулан провёл на сенокосе три дня, но запомнил их на всю жизнь. Тогда Магомед его научил косить, отбивать косу, подводить лезвие с помощью точильного бруска и многому другому, что могло пригодиться во время заготовки сена.

Вечерами они сидели у балагана, беседовали, как взрослые, часами, пока густая ночь не накидывала на небо свою звёздную мантию...

Но как бы ни было Таулану хорошо рядом с Магомедом, ему хотелось в город, домой...

И когда в конце четвёртого дня к балагану подъехал до упора набитый сеном грузовик, издали похожий на огромного ежа, медленно сползающего с бугра, мальчик не сомневался ни минуты.

— Ну, в добрый путь, — сказал Магомед.

Он воткнул вилы в сено и сделал «ступеньку». Таулан залез на неё и, держась за черенок вил, которые опустил сверху какой-то мужчина, ловко забрался наверх. Грузовик резко тронулся, и мальчик неожиданно перекувыркнулся и чуть не слетел вниз, но его опрокинуло на душистое сено. Все засмеялись.

— И как тебя зовут, хлопец? — спросил пожилой мужчина.

— Таулан.

— А меня — Степан. А это — два брата-акробата, Сослан и Герман, из села Коста-Хетагурова. Хорошие ребята, настоящие помощники.

Братья лежали ближе к задней части кузова, улыбались и продолжали говорить между собой. У одного из них во рту торчала длинная травинка. Таулан оказался для них спасением от Степана, который уже успел надоесть им. Поэтому они решили остаться на своём месте, тем более новый пассажир тоже особого интереса для них не представлял. Они были намного старше Таулана.

— Таулан, ты на Дардоне впервые?

— Да...

— Здесь, на Дардон-Баши, очень много покосных земель. Не знаю, как раньше косили, но сейчас кругом одни трактора, вручную никто не косит.

— Мы поедем по короткой дороге. Спускаться будем рядом с горой Шоана*, так что заодно и аланский храм увидишь. Дорога очень красивая, но и опасная.

Таулан давно мечтал побывать на горе Шоана, в народе называвшейся Бутылка, и поэтому обрадовался этому маршруту.

Степан оказался весьма разговорчивым. Он хриплым голосом всю дорогу рассказывал разные истории, связанные с местностью, сенокосом, охотой, или просто пел.

Когда Степан подкуривал очередную папиросу, мальчик со страхом смотрел на него и на сено и чувствовал себя как на пороховой бочке, но свой испуг старался скрыть. Он слушал Степана и думал, что же тот будет делать со своим окурком. Лучше бы он его съел. Не дай Бог, уронит искру — сухое сено полыхнёт мгновенно.

Но Степан жадно докуривал очередную свою сигарету без фильтра, небрежно крутил окурки в своих мозолистых и жёлтых от никотина пальцах, плевал на ладонь, тушил папиросу и ловким щелчком выстреливал её за борт машины.

Сидя на горе сена, Таулан смотрел на раскинувшиеся альпийские луга, склоны с густой зелёной травой, под порывами ветра разбегающейся до горизонта волнами, похожими на волны моря. И сеновоз казался ему кораблём, идущим по необъятным морским просторам, особенно когда на спусках неровной дороги он, подобно попавшему в шторм судну, качался и кренился, пугая своих пассажиров.

Мальчик невольно вспомнил свой вчерашний разговор с Магомедом: «Таулан, как твои друзья отдыхают на летних каникулах?» — «Уезжают в детский лагерь или на море». — «И на каких морях они бывают?» — «На Чёрном, Азовском или Каспийском». — «А на Зелёном море они бывали?» — «Я не знаю про такое море». — «Как это не знаешь? Ты ведь целых три дня провёл на Зелёном море».

Только сейчас мальчик понял, что Магомед имел в виду. Никогда больше не слышал Таулан про такое море, но запомнил на всю жизнь Зелёное море альпийских лугов своей родины...

* Шоанинский храм (карач.-балк. Чууана клиса) — аланской храм конца X века. Находится в Карачаевском районе на левом берегу Кубани.